

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр

МЕРТВЕЦ
СТУЧИТСЯ
В ДВЕРИ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Джон Фелл

К2

Доктор Гидеон Фелл

Джон Карр

Мертвец стучится в двери

«Азбука»

1949

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карр Д. Д.

Мертвец стучится в двери / Д. Д. Карр — «Азбука»,
1949 — (Доктор Гидеон Фелл)

ISBN 978-5-389-33263-8

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства читателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса». Роман «Мертвец стучится в двери» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства читателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33263-8

© Карр Д. Д., 1949

© Азбука, 1949

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Диксон Карр

Мертвец стучится в двери

John Dickson Carr

THE DEAD MAN'S KNOCK

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1958

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency

LLC

All rights reserved

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Часть первая Беспутная женщина

*Уходи, к чему старанья —
Гордость не срами.
Не заставишь без желанья
Полюбить, пойми:
Черт ее возьми!*

Сэр Джон Саклинг. Аглаура¹

Глава первая

Бренда закрыла за собой дверь спальни. Осторожно, чтобы не щелкнул замок, повернула ручку и остановилась, прислушиваясь, в холле второго этажа.

Первое побуждение – встать на цыпочки – она с негодованием подавила. Так или иначе, пройти придется мимо кабинета Марка – так пусть же слышит. Да и вообще, распаяясь, подумала она, это же нелепо. Она просто идет на прогулку.

Если все-таки Марк спросит, она скажет, что собирается встретиться с Кэролайн.

Ложь номер один.

Тусклый свет верхнего холла падал на дощатый пол, кремово-серые обои и крашенные белые двери со стеклянными ручками. Фасадное окно в передней части было распахнуто настежь, москитная сетка опущена и закреплена.

Здесь, в вирджинской глуши, на правом берегу реки, даже не верилось, что до Вашингтона меньше десяти миль. Для Бренды воплощением Вашингтона был Фрэнк Чедвик. Только Фрэнк Чедвик.

Кабинет Марка, дверь в который была сейчас закрыта, находился в конце холла, возле верхней лестничной площадки. Когда кто-то проходил мимо двери, доски под ногами поскрипывали и потрескивали.

Бренда все еще ждала, чувствуя, как давит на нее тишина. Стоял июльский вечер, тяжелый и душный, но в то же время мягкий и волнующий. Лениво и сонно трещали сверчки, и их стрекот сливался в неумолкающий гул, пульсирующий вечерний фон. Но Бренда слышала только биение собственного сердца.

Сквозь гнев и злость пробивалась щемящая нота вины, отчего Бренда распаялась все сильнее. Абсурд! Ей нечего стыдиться. Ничего такого она не сделала. По крайней мере... пока.

Она открыла сумочку, достала пудреницу и наклонила к свету. Бренде было тридцать два, но выглядела она моложе. Ее глаза – широко посаженные, ясные, лучисто-серые, – отразившись в зеркале, мгновенно выдали все секреты.

Захлопнув и убрав пудреницу в сумочку, она выждала, отсчитав про себя, тридцать секунд, подошла к кабинету мужа и постучала.

– Да? – донесся приглушенный знакомый голос.

Бренда открыла дверь.

¹ Перевод А. В. Лукьянова.

Марк, в старом спортивном пиджаке, сидел за заваленным бумагами столом между двумя окнами в глубине кабинета. Подняв голову, он посмотрел на нее пристально, но на его лице, кроме вежливого внимания, не отразилось больше ничего.

Свет висящей над столом лампы под зеленым стеклянным абажуром падал на густые темные волосы. Ему не исполнилось еще и сорока, но на щеках уже пролегли глубокие вертикальные морщины.

– Марк, – сказала Бренда, – я ухожу.

Марк лишь кивнул и продолжал смотреть на нее спокойно, без всякого выражения, положив руки на раскрытую книгу.

– Я иду к Кэролайн, – сообщила Бренда, повысив голос. – Ты работаешь?

– Нет. Читаю детектив.

– О. И... хороший?

– Не знаю. Написан, по крайней мере, неплохо, а хороший ли, не могу сказать, пока не дочитаю.

– Что ж, я иду к Кэролайн. Вернусь часа через два. Обо мне не беспокойся.

– Вот как? – Теперь и голос Марка, густой, медленный, прозвучал чуть громче. – Дорогая, а с чего бы мне о тебе беспокоиться?

Бренда облизнула губы.

Сейчас она с обостренной чувствительностью воспринимала привычные, хорошо знакомые вещи: запахи ковра, полированного дерева и старых книг, стрекот сверчков за распахнутыми окнами, лужайки и здания Куинс-колледжа, названного в честь английской королевы Анны почти двести пятьдесят лет назад. И самое главное, машину Фрэнка Чедвика, ждущую ее в темноте.

– Дорогая, а с чего бы мне о тебе беспокоиться?

– Вот и не надо. Просто так говорят: «Обо мне не беспокойся». Вот и все.

– Понятно. Прости.

– Знаешь, Марк, ты бываешь совершенно невыносимым.

– Да. Думаю, мы все можем порой кого-то раздражать.

– Нет, ты не понимаешь. Ты же просто никого и ничего не замечаешь. Тебя ничто не трогает.

Звук, который они услышали, заставил обоих слегка вздрогнуть, но ни один из них не заметил растерянности другого. Звук не был ни громким, ни резким, но ровным и коротким. Словно кто-то коснулся автомобильного клаксона, подавая условный сигнал.

Бренду бросило сначала в жар, потом в холод. Сорваться и уйти сразу же она не могла – а вдруг Марк услышал. Хотя, решила она, он, конечно же, не обратил внимания.

Его сильные руки спокойно лежали на книге. Но глаза он опустил. Верхний свет с безжалостной четкостью выявил морщины на лбу и борозды на щеках. «Он может быть добродушным, язвительным, мечтательным и на редкость забывчивым, причем одновременно», – подумала Бренда.

Марк Рутвен, в свою очередь, видел перед собой женщину, внешне почти такую же сдержанную, как и он. Однако в комнате с двумя тысячами серьезных книг, заполнивших высокие, от пола до потолка, стеллажи, красота Бренды воспринималась как что-то яркое и не совсем уместное.

Она была невысокая, с густыми каштановыми волосами до плеч, широким лбом, широко поставленными глазами и коротким носиком, из-за чего скулы казались более высокими. Глаза и большой рот говорили о добросердечии и душевном благородстве, затуманенных сейчас каким-то сильным чувством.

В тонком платье из белого шелка, перехваченном алым пояском, без чулок и в туфлях, она стояла в дверном проеме, держась одной рукой за ручку и сжимая другой красную сумочку.

Марк Рутвен опустил взгляд на лежащий перед ним роман и перевернул страницу. Оба заговорили одновременно.

– Марк, я...

– Бренда, моя дорогая...

– Да? – Бренда вскинула голову, словно отбрасывая назад волосы.

– Если ты идешь к Кэролайн Кент, может быть, пройдешь немного дальше и занесешь книгу мисс Лестрейндж?

Серые глаза Бренды с черными зрачками и ярко светящимися белками скользнули влево-вправо, словно она прислушивалась, и резко остановились.

– Роуз Лестрейндж? Вот как? Этой ужасной женщине?

Марк вскинул брови:

– Не самый удачный выбор слов, не так ли?

– О, выбор слов! Я даже не знала, что ты с ней знаком.

– Да. Знаком. Что касается сплетен о ней...

– Меня не волнует ее моральный облик, не беспокойся. – Бренда рассмеялась. – А что это за книга?

По лицу Марка пробежала тень раздражения.

– Сегодня утром я встретил мисс Лестрейндж на Колледж-авеню. Она попросила почитать «Армадейл».

– О? А сам ты отнести не можешь?

– Могу, конечно. Завтра и отнесу. Извини, что побеспокоил.

Что-то промелькнуло в комнате между этими двумя. Бренда – она уже почти повернулась – оглянулась через плечо.

– Марк, послушай. Знаю, я слишком многого прошу. Здесь творится что-то ужасное, и оно как-то связано с этой Лестрейндж. Что, если мы не будем иметь с ней ничего общего, не будем ни звонить, ни передавать ей книги?

Марк Рутвен, профессор английской литературы в Куинс-колледже, поднял голову:

– Ты уже определилась, чего именно хочешь? Хотя бы в чем-либо?

Он словно хлестнул ее по щеке.

Румянец залил лицо до подведенных темной тушью глаз с серой радужкой и черными зрачками, потом схлынул, отчего глаза как будто стали больше. Дыхание ее участилось, легкий корсаж платья заколыхался.

– То есть тебе до этого дела нет, да?

– До чего, дорогая? – вежливо спросил Марк.

– Еще минуту назад я сомневалась, – заявила Бренда. – Но теперь решила. И могу тебе об этом сказать. Я вовсе не иду к Кэролайн Кент. Я еду с Фрэнком Чедвиком, в Вашингтон, где у него квартира.

– Как ты меня удивила, – сказал Марк и улыбнулся.

В улыбке было что-то пугающее, но Бренда этого не заметила. Если первая фигуральная пощечина задела ее за живое, то вторая привела в ярость. Секунд двадцать она молчала, вцепившись в ручку двери и пытаясь овладеть дыханием.

– Ты знал.

– Да.

– Тогда скажу тебе одно, – воскликнула Бренда, – ты упал в моих глазах.

Он снова поднял брови:

– Тебя не устраивают мои этические нормы? Но разве правилами этой игры не предусмотрено, что я должен знать и не говорить тебе?

В таком настроении иметь с ним дело было невозможно. Марк походил на фехтовальщика, который наносит тебе укол за уколом, а ты не можешь ответить.

– Фрэнк влюблен в меня уже несколько месяцев. Мы... у нас ничего еще не было, если ты понимаешь, о чем я. Но Фрэнк хочет, чтобы я развелась с тобой и вышла за него замуж.

– В другие времена, моя дорогая, его бы назвали человеком чести.

– Ты не имеешь права удерживать меня насильно. – Бренда перешла на крик. – А ведь я любила тебя. Ужасно. Но теперь это все в прошлом, и время назад не повернешь. Какое право ты имеешь удерживать меня?

Марк поднялся из-за стола. Чуть выше среднего роста, он выглядел широкоплечим и жилистым в старом спортивном пиджаке.

– Когда люди говорят о правах в браке, в этом браке что-то не так.

– Да. В этом нет сомнений. Именно.

– Мы женаты уже пять лет. Это всегда опасный срок. Тебе безумно надоела унылая карусель академической жизни, и ты устала от меня. А тебе не приходило в голову, дорогая, – вежливо добавил он, – что со мной может быть то же самое?

– Что?

– Что я устал от тебя.

Пауза растянулась секунд на десять, и все это время Бренда молча смотрела на Марка.

– Зная меня, ты действительно находишь это странным? – спросил он.

– Я...

– Так да или нет?

Бренда сделала шаг вперед и остановилась в нерешительности. Ее физическое присутствие никогда не было столь желанным – или волнующим, – если бы он был в том настроении, чтобы поддаться волнению. Затем, овладев собой, она произнесла ровным голосом:

– Кстати, кто она, Марк? Кто эта женщина?

– Разве это важно?

– Нет, конечно не важно. Нисколько. И все же! Если какая-то шлюшка строит тебе глазки, чем некоторые из них только и занимаются, – с достоинством произнесла Бренда, – будет только справедливо, если ты поставишь меня в известность. В конце концов, у меня есть право...

– О чем ты говоришь, дорогая? Еще одно право?

Бренда открыла рот и остановилась. С улицы снова донесся гудок. Он звал в ночь. Звал настойчиво и немного нетерпеливо.

Секунду-другую Бренда еще стояла и смотрела на мужа, облизывая губы кончиком языка. Лицо ее побледнело, хотя под глазами остались розовые пятна.

Она повернулась и выбежала из кабинета, хлопнув дверью. Он услышал ее быстрые, легкие шаги по дощатому полу, потом мягкие, едва слышные по застеленной ковровой дорожкой лестнице и снова по дереву уже внизу. Открылась и захлопнулась входная дверь.

Дрожь от удара прошла по всему маленькому дому. Секунд через двадцать на Колледж-авеню кто-то завел мотор и переключил передачу. Двигатель зарокотал, удаляясь, и вскоре умолк вдалеке.

В своей обычной неторопливой манере Марк Рутвен вышел из-за стола, посмотрел на наручные часы и выглянул в окно на задней стороне.

Ярдах в трехстах от дома, на фоне темнеющего неба вырисовывались густые кроны деревьев, под которыми перемигивались светлячки. Даже в разгар лета Куинс-колледж не выглядел обезлюдившим. Между вязами и платанами тут и там виднелись тусклые огоньки. Но все же заведение это было небольшое, и когда студенты – а их здесь насчитывалось около пятисот – разъезжались, жизнь как будто замирала.

Старые, выработавшие свой ресурс часы на доме Основателя пробили десять. Марк снова посмотрел на свои наручные и прошелся взглядом по высоким, до потолка, книжным стелла-

жам и большому картотечному шкафу, где хранились все неопубликованные материалы для его биографии Уилки Коллинза.

Спустившись затем вниз, он подошел к телефону, стоящему в конце нижнего холла, и набрал номер коттеджа Роуз Лестрейндж на Харли-лейн.

Ответили уже после первого гудка.

– Да? – произнес чуть хриловатый голос, придающий ласкающее звучание даже односложным словам.

Марк замешкался. Он вдруг увидел ее так отчетливо, словно она находилась здесь, в холле, и могла дотронуться до него. Увидел блестящие черные волосы, шелковистые и тяжелые, как руно. Увидел мягкий изгиб губ и тягучую, лукавую улыбку.

Вообще-то, делать здесь Роуз Лестрейндж было нечего. Ей нравилось мутить воду и тревожить воображение мужчин. Скрытность сочеталась в ней с безрассудством, а ее тяга к эпатажу граничила с безумием. Несомненно, это она устроила тот скандал в больничном изоляторе больше месяца назад, скандал, о котором говорили вполголоса и шептались за спинами и который был столь же чудовищен, сколь и неуместен в стенах Куинс-колледжа.

И все же... все же...

– Да? – прошептал настойчивый голос в телефонной трубке. – Это ты, дорогой? Я жду.

И в тот же миг в тишину холла ворвалась предупредительная трель дверного звонка.

– Да? – В третьей попытке голос Роуз прозвучал уже по-другому – отрывисто и резко. – Да? Кто говорит?

И снова зазвенел звонок. Держа трубку возле уха, Марк посмотрел через плечо. Свет горел в холле, в гостиной слева от холла и в столовой справа от него – игнорировать гостей было невозможно.

Он осторожно положил трубку, и телефон щелкнул, отрезав его от обольстительного голоса Роуз. Чары рассеялись.

Марк Рутвен набросил на плечи спортивный пиджак и пошел открывать дверь.

Глава вторая

– Добрый вечер, Кэролайн, – сказал он.

Кэролайн Кент, стоящая на ступеньку ниже на вымощенной камнями дорожке, смотрела на него немного настороженно.

Кэролайн была девушкой что называется «благоразумной» и, как неоднократно жаловался ее жених, воспринимала каждое высказывание настолько буквально, что хоть криком кричи. Причем дело было вовсе не в недостатке ума. Будучи дочерью доктора Сэмюэла Кента, заведующего отделением истории, она в силу необходимости годами заботилась о непрактичном отце и еще более непрактичной матери.

Ближе к тридцати, высокая, с хорошей фигурой, Кэролайн была весьма привлекательной, хотя никто не назвал бы ее миловидной.

Ее карие глаза всегда смотрели честно, без утайки, а светлые волосы вились сами собой, естественным образом. На фоне своего непоседливого жениха Кэролайн порой казалась флегматичной и вялой, но ей нравилось уступать верховенство и подчиняться любой прихоти Тоби Сондерса.

Марк с опозданием включил лампу над крыльцом.

– Кэролайн! Что с тобой?

– Ничего! Совсем ничего! Вот только...

Кажущаяся бледной под искусственным светом, травянистая лужайка тянулась до невысокой живой изгороди, за которой Колледж-авеню поворачивала под арку больших деревьев. Там и стоял сейчас новый, 1948 года выпуска, «шевроле». Когда Кэролайн машинально оглянулась через плечо, Тоби возился с дверцей.

– Можешь ее не запирать, – крикнул Марк, который никогда не запирал свой «шевроле». Голос его прозвучал громче, чем хотелось бы. – Кэролайн! В чем дело? Заходи.

– По правде говоря, даже не знаю, стоит ли, – сказала Кэролайн. – Мы и не хотели тебя беспокоить, зная, как усердно ты работаешь над биографией. Но дело очень важное, и мой отец попросил Тоби встретиться с тобой.

– Твой отец?

– Да. А где Бренда?

– Бренда... Боюсь, она куда-то ушла.

– Ну, так даже лучше. То есть я не к тому, что так лучше, – поспешно добавила она. – Просто мы пришли именно к тебе.

По дорожке к ним уже спешил Тоби Сондерс – в желтовато-коричневом костюме с выбившимся из-под пиджака галстуком. Примерно одного возраста с Марком, Тоби тоже был историком и вместе с другими по заданию Пентагона готовил историю Второй мировой войны, рассчитывая закончить работу раньше коллег, корпящих над историей Первой мировой. Тоби шел, глядя под ноги, и Марк видел только его коротко постриженные русые волосы, но не лицо – тонкое, выразительное, с острыми чертами.

– Мы точно тебе не мешаем? – допытывалась Кэролайн.

– Не мешаете, я весь вечер ничего не делаю. Входите оба.

Марк закрыл входную дверь и повел пару в гостиную. За спиной у него тяжело дышал Тоби.

В гостиной, где вкус Бренды проявился в полной мере – кресла в белых чехлах, бледно-зеленые стены и темно-зеленый ковер, – уже были опущены жалюзи. Кэролайн, колебавшись, села на диванчик у фасадного эркерного окна. Марк молча наблюдал за ее спутником. Невысокий, худощавый Тоби был, казалось, заряжен нервной энергией, которая только что не

рассыпáлась вокруг него искрами. Окинув комнату пытливым взглядом прищуренных голубых глаз, он остановился на Марке.

– Это держалось в тайне, – резко заговорил он, – потому что никто не понимает, что за всем этим кроется. Но вот уже больше недели в колледже творится черт знает что.

– Вот как?

– В то время, когда в городке нет ни одного студента, кто-то из нашей среды устраивает чисто студенческие шутки. Только это уже совсем не шутки, а похоже – я говорю *похоже* – на полноценные попытки убийства.

Кэролайн открыла рот, чтобы возразить. Она сидела, опираясь ладонями на диван. Свет лампы под пергаментным абажуром падал на ее лицо с напряженными карими глазами и короткие вьющиеся волосы.

– Попытка убийства? – воскликнул Марк. – А полиция этим уже занимается?

– Полиция? Здесь? Бога ради, приятель, о чем ты говоришь! Куинс-колледж скорее пригласил бы к себе бубонную чуму или «черную смерть».

– Так что случилось, Тоби? Садись и расскажи мне обо всем.

Тоби послушно опустился на диван рядом с Кэролайн. Он все еще не мог отдышаться. На низком кофейном столике перед ними стояла серебряная сигаретница. Марк открыл ее и пододвинул к гостям.

Кэролайн быстро и нетерпеливо покачала головой. Тоби даже не заметил этого.

– В год тысяча семьсот десятый от Рождества Христова... – начал он.

– Обязательно начинать из такого далека?

Тоби с вызовом вскинул голову.

– Помолчи, – рявкнул он и с той же легкостью, с которой прервал свое плавное повествование, вновь к нему вернулся. – В год тысяча семьсот десятый от Рождества Христова, когда штат Вирджиния был колонией Ее Величества Виргинией, некто Септимус Хьюит основал академию для мальчиков, выбрав для нее место неподалеку от Белхейвена, известного ныне как Александрия. Поселение было небольшое, и никто не думал, что школу Септимуса Хьюита ждет хорошее будущее. Но плантаторы присылали сюда своих сыновей, и заведение процветало.

Через двадцать лет оно перестало быть школой для мальчиков. В Куинс-колледже получали образование – или, по крайней мере, пребывали в его стенах – молодые джентльмены со всей Виргинии. Прошло время, и Септимус Хьюит умер. В центре того, что никогда не называлось кампусом, а всегда именовалось Лужайкой, установили его статую – длинный завитой парик, камзол и все прочее. Запомни. Статуя – это важно.

Здесь Тоби остановился и, смягчив сарказм, обратился к Марку:

– Если я расскажу тебе эту историю так, будто ты ни черта не знаешь о заведении, в котором преподаешь, ты согласишься, что у меня есть на то веская причина?

– Конечно.

– Но может, мне и не следует ее рассказывать. Как-никак я здесь чужак, причем не в одном только смысле. Может быть, Кэролайн?..

Кэролайн протянула руку и коснулась его ладони:

– Нет, Тоби. Ты. Всегда только ты.

При всей кажущейся невозмутимости и флегматичности Кэролайн могла испытывать не менее сильные чувства, чем Тоби. Он посмотрел на нее, она на него – и оба смутились. В следующий момент Тоби уже уселся на конька вдохновения.

– Прямой потомок Септимуса Хьюита исполняет сейчас обязанности магистра Куинс-колледжа. Никогда не называйте его президентом, будьте добры, только магистр. Но давайте забудем, насколько это возможно, о прошлом. Давайте обратимся к персонажу, известному как Джордж. – Он повернулся к Кэролайн. – Ты знаешь Джорджа?

– Тоби! Я прожила здесь всю свою жизнь! Как я могу не знать Джорджа?

Тоби хлопнул себя ладонью по лбу.

– Если ты не перестанешь понимать все так буквально, мой ангел...

Даже в ситуации столь волнительной для нее Кэролайн успела чуть улыбнуться Марку, как бы говоря: «Не обращайтесь на него внимания, он это не всерьез». И Тоби, как обычно, мгновенно преисполнился раскаянием. Любовь между двумя этими эмоционально зажатými людьми – Тоби, какие бы смелые идеи ни высказывал в речах, оставался во многих отношениях пуританином – была столь крепкой и искренней, что Марк Рутвен ощутил укол зависти и едва не отвернулся.

– Персонаж, известный как Джордж, – продолжал Тоби, – это воплощение заведенного порядка. Ему за семьдесят. Во время летних каникул он каждый вечер перед наступлением темноты совершает обход территории, проверяет здания и, убедившись, что все в порядке, закрывает их на ночь. Из этого обхода, однако, исключены три объекта: библиотека, Дом науки и лазарет. Библиотека и Дом науки – их окна выходят на Лужайку – закрываются намного позднее. Лазарет, расположенный на некотором удалении от центра, летом закрыт. Но забудьте о лазарете; я вспомнил о нем только в связи с кое-чем другим.

Тоби на секунду нахмурился.

– Ну да ладно! Первый инцидент – я буду называть это так – случился в пятницу вечером, девятого июля. Джордж почти закончил обход. Последним зданием, которое он осматривал, был спортивный зал. Внутри было тихо. После наступления темноты залом никто не пользуется, потому что летом там отключают электричество. Но какой-то свет снаружи проникал через люк, и Джордж различал очертания предметов. Большая часть спортивного оборудования – маты, параллельные брусья, опорный конь – была задвинута под опоясывающую спортзал галерею. Но на западной стене он увидел нанесенное светящейся краской грубое изображение статуи Септимуса Хьюита.

Чего бы ни ожидал Марк, он ожидал не этого.

– Изображение чего?

– Статуи Основателя, – бросил в ответ Тоби. – И при этом – запомни! – никаких надписей, ничего подобного. Только общий контур статуи почти без деталей, около трех футов высотой, выполненный тонкой кисточкой. Старик испытал шок. Сегодня вечером отец Кэролайн спрашивал, что именно так сильно на него подействовало. Джордж мялся, упирался, но все же рассказал. По его словам, в тот момент у него появилось странное ощущение, а потом в углу зала кто-то рассмеялся.

Кэролайн отвернулась. Тоби замер. Марк отогнал подброшенные воображением картины.

– И что же Джордж?

– О, Джордж – человек сознательный. Стер, как смог, рисунок тряпкой, а на следующее утро сообщил о случившемся в администрацию. Они решили, что он был пьян или ему приснилось. Возможно, Джордж тоже так подумал.

– Почему?

– Потому что, когда он вернулся в спортивный зал в субботу вечером, от светящейся краски не осталось и следа. Ни в зале, ни в бассейне в подвале – нигде никого не было. В воскресенье вечером все здания закрыты. У Джорджа в этот день выходной. В понедельник вечером, двенадцатого июля, он уже чувствовал себя лучше – пока не пошел в спортзал. Рисунок, изображение статуи Основателя, появился снова, только на этот раз на полу у южной стены, под галереей. Джордж растерялся. Единственное, что пришло ему в голову, – это попробовать снова оттереть рисунок тряпкой. Он подбежал к нему, опустился на колени... Кто-то ждал его там, на галерее, в восемнадцати футах над головой Джорджа. И этот кто-то перегнулся через

перила и сбросил тяжелую железную пластину, срезанную с противовеса тренажерного аппарата. Груз упал как отвес и расколочил пол в восемнадцать дюймах от головы Джорджа.

Тоби замолчал и, не сводя глаз с Марка, протянул руку и сжал ладонь Кэролайн.

– Нет, Джордж никого не увидел и не услышал. Его оглушило, он потерял сознание, а когда пришел в себя, едва смог выбраться из спортивного зала. Во вторник утром рисунок статуи Основателя все еще оставался на месте, и рядом лежала тяжеленная гири. В спортивный зал Джордж уже не вернулся и обо всем рассказал дома. Жена уложила его в постель и вызвала врача. Во вторник вечером, чтобы все это не вышло за пределы семьи, за дело взялся внук Джорджа. Губерту шестнадцать лет, парнишка смысленный. Он не только осмотрел спортивный зал, но и оставался там, когда у него была такая возможность, до вечера. И вот теперь я могу ввести вас в курс последних событий.

Давайте посмотрим – да! Сегодня суббота. Несколько дней, ближе к вечеру, Губерт обходил спортивный зал снаружи, но никого не видел и ничего не слышал. А тут вдруг услышал какой-то звук внутри и догадался, что это. Губерт обогнул зал с северной стороны, вошел и сразу же побежал вниз по лестнице, к плавательному бассейну в подвале. Оказалось, что насчет звука он не ошибся: бассейн, который летом должен быть пустым, был полон. Причем наполнили его только что – вода еще не успокоилась. Билли Коул, главный смотритель, говорит, что открыть воду дело простое, если знаешь, что к чему. Окна в подвале почти на уровне земли, вокруг деревья, так что там всегда сумрак. В той части, где доска для ныряния, глубина около десяти футов. Губерт увидел, что вода вливается там, подбежал и наклонился, чтобы рассмотреть получше. И тут кто-то, кого он не увидел, толкнул его в спину. А парень и плавать-то не умеет.

Тоби снова сделал паузу.

Все чувства Тоби – ненависть, негодование – отразились на его строгом лице и в беззвучном движении губ. Открытая сигаретница, серебряная настольная зажигалка, серебряная пепельница – все эти вещи гипнотически поблескивали на кофейном столике.

– Марк, – сказал он вдруг, – я никогда не видел, чтобы ты так плохо выглядел.

– По правде говоря, я сам не помню, чтобы мне было так тошно. Так ты хочешь сказать, что пареньек утонул? Что он был один? Что помочь было некому?

– Нет! – сердито бросил Тоби и тут же взял себя в руки. – По счастливой случайности или, может быть, по милости Божьей, по Тропинке привидений проходил тот самый Билли Коул, главный смотритель. Услышав крики и плеск воды, Билли выбил стекло в окне и пролез внутрь. Губерт уже пошел ко дну, когда Билли нырнул за ним. Вытащил, сделал искусственное дыхание – в общем, спас. Еще бы немного и...

– Ты сказал, это случилось сегодня? С ним все в порядке?

– Настолько, насколько вообще возможно быть в порядке после такого потрясения.

– Я, кажется, знаю парнишку Джонсона... то есть Губерта. Парень получил стипендию колледжа в шестнадцать лет. Кто бы мог подумать, что он не умеет плавать.

– Вот никто и не думал, – сказал Тоби. – Считается ведь, что плавать умеют все, да? Это наш славный американский девиз. Губерт стыдился и поэтому никому не говорил. А теперь у нас завелся такой вот веселый шутник, устраивающий фокусы в спортивном зале.

– Ради всего святого, Тоби, – воскликнула Кэролайн, – неужели нужно так много об этом говорить?

– Да, нужно! В этом-то все и дело. – Тоби снова повернулся к Марку. – После случая с Джорджем об этом шептались по всему Куинсхейвену. Теперь просто шептаться уже недостаточно – с этим нужно что-то делать. Декан и магистр – оба в отпуске. В любом другом заведении у них были бы помощники, чтобы разобраться с таким происшествием. Но здесь? О нет! Разобраться поручено отцу Кэролайн.

Тут Тоби постукал костяшками пальцев по кофейному столику.

– Имей в виду, доктор Кент – хороший человек. Он историк. Но у него одно мнение об этом деле, а у меня другое. Поэтому мы договорились, что судьей будешь ты.

– Я польщен, – ничуть не покривив душой, сказал Марк. – И конечно, я к вашим услугам, если вы считаете, что я могу чем-то помочь.

– Можешь. На этот счет не беспокойся. Просто послушай, как я все это себе представляю.

– Говори.

– Сначала может показаться, что какой-нибудь уважаемый человек в колледже или в Куинсхейвене – сумасшедший убийца, уже совершивший два покушения и едва не преуспевший в них. Так?

– На первый взгляд – да.

– Хорошо! В таком случае рисунок статуи Основателя не имеет никакого значения. Он использовался только как приманка. Маньяк сначала нарисовал статую на западной стене и напугал Джорджа, рассмеявшись, как привидение. Потом он подождал пару дней и нарисовал статую на полу, под галереей, предположив, что, когда Джордж снова попытается оттереть рисунок, его голова будет прекрасной мишенью на фоне светящейся краски. То же самое мы видим и в случае с Губертом – еще одна ловушка. Маньяк заполнил бассейн и, скорее всего, собирался еще раз изобразить статую, чтобы заманить парнишку к краю бассейна. Но Губерт услышал шум воды и сам подошел к краю. Маньяк воспользовался ситуацией и столкнул его с целью утопить. Я правильно все изложил?

– Да, – согласился Марк. – Думаю, все правильно.

Тоби Сондерс поднялся с диванчика.

– Так и есть! – Он кивнул. – А теперь послушайте, что я скажу. Я этому не верю. Я не верю, что шутник намеревался кого-либо убить.

Кэролайн подняла голову и в полном изумлении уставилась на него широко раскрытыми глазами.

– Тоби! Ты серьезно? Отец говорит...

– Я знаю, что он говорит. Но ты не слышала, что я говорю, в этом-то все и дело.

Тоби пристально посмотрел на Марка:

– Если шутник хотел убить такого безобидного старика, как Джордж, почему он этого не сделал? У него тяжелая гиря, внизу отличная мишень, и все же он промахнулся. – Тоби широко развел руки. – Почти на полтора фута. То же самое можно сказать и о Губерте. Я согласен, что шутник воспользовался случайно выпавшим шансом и столкнул парня в воду. Но хотел ли он его убить? Нет! И я дал вам подсказку. Кто знал, что Губерт не умеет плавать? Его родители, может быть, бабушка и дедушка, больше никто. Мы все считаем, что любой здоровый шестнадцатилетний паренек умеет плавать как рыба. Так или нет?

– Наверное, так, – сказал Марк.

– Шутник может быть маньяком, я так думаю. Вероятно, он хотел до чертиков напугать Джорджа и Губерта; думаю, ему это удалось. Вот и все.

Кэролайн тоже вскочила с дивана:

– Если это так, Тоби, то не думаешь ли ты, что этот кто-то ничем не лучше сумасшедшего убийцы?

– Может быть, и думаю.

– А если он не хотел ни убивать, ни даже ранить, то для чего, скажи на милость, он все это делал?

– То-то и оно, – честно ответил Тоби. – Я не знаю.

– Это даже не смешно.

– Да, признаю. В любом случае эта игра в убийство пугает меня не меньше, чем настоящее убийство, о чем ты, собственно, и пытаешься сказать. Даже у тронувшегося рассудком шутника есть какая-то причина все это делать. Кто-то по какой-то причине рисует статую Основателя.

Кто-то, тоже по какой-то причине, устраивает рискованные розыгрыши на грани убийства. Но кто? И почему?

Все трое настолько увлеклись, что не услышали, как входная дверь, которую обычно оставляли незапертой, тихонько открылась. И так же тихо закрылась. Зато они услышали звук быстрых, решительных шагов из прихожей в гостиную. Марк обернулся. В дверном проеме, высоко подняв голову, стояла Бренда.

Глава третья

Значит, она не уехала с Фрэнком Чедвиком?

Левая рука Марка выдвинулась из рукава пиджака; краем глаза он поискал наручные часы. Они показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

В машине молодого мистера Чедвика им пришлось бы проехать через Куинсхейвен и Александрию, переехать через мост и влиться в вашингтонский трафик. Бренда не смогла бы даже добраться до квартиры Фрэнка, не говоря уже о том, чтобы успеть туда и обратно. И все же, где бы она ни была, она сильно отличалась от той Бренды, которая выбежала из дома и хлопнула дверью.

Сейчас Бренда стояла, подняв голову, вся сияющая, уверенная в себе и в упор не замечающая Марка.

В белом платье без рукавов со слегка расклешенной юбкой – по моде 48-го года – и алым пояском на талии она, казалось, светила.

– Вам двоим – привет! – обратилась она к Кэролайн и Тоби.

– Мы и не слышали, как ты подъехала, – в замешательстве сказала Кэролайн.

– О, я не брала машину. Она в гараже. Я была в Куинсхейвене и вернулась пешком. Какой прекрасный вечер!

Достав из красной сумочки красную пачку сигарет, Бренда поставила сумочку на стул у арки, ведущей в холл.

– Должна тебе сказать. – Она повернулась к Тоби. – Я и не подозревала, что в доме кто-то есть, – она кивнула в сторону опущенных жалюзи, – пока не подошла ближе. Думала, что та машина в начале дорожки – наша. Но знаешь, Тоби, дорогой, окна открыты, а ты так кричал.

– Так ты все слышала? – нахмурился Тоби. – И что именно?

– О, довольно много.

– Лучше бы не слышала, – с несчастным видом сказала Кэролайн.

– Почему бы и нет, моя дорогая? Я не услышала ничего такого, о чем бы не знала из местных сплетен.

Если Тоби не заметил ничего странного в ее поведении, то Кэролайн бросила на нее быстрый взгляд.

Бренда пронеслась через комнату, по-прежнему игнорируя Марка. Она села в мягкое кресло под лампой, откинулась на спинку и положила ногу на ногу.

– Интересные дела творятся в спортзале, правда?

– Интересные? – воскликнула Кэролайн.

– А разве нет? – Бренда весело рассмеялась. – Надеюсь, Марк поможет. В академических вопросах он очень хорош. Может рассказать вам, какую песню пели сирены, почему Шекспир написал то, что написал, и каков сюжет революционного романа с загадкой запертой комнаты, который Уилки Коллинз собирался написать в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. Но в практических делах – боже мой, он такой же, как ты, Тоби.

– Как я?

– Да, разве ты не знала? Ты просто ничего и никого не замечаешь, ведь так?

– Ты, возможно, удивишься, – сказал Тоби, – если узнаешь, что очень даже замечаю.

Смотри, Марк! Я прав насчет этого дела. Клянусь, я прав.

– Подождите! – сказал Марк.

Его густой голос, который он редко повышал, разнесся по комнате.

– Может быть, ты и прав, Тоби; я не говорю, что это не так. Но ты неправильно подходишь к проблеме!

– Как это?

– Ну, например. Мы очень мало знаем о Джонсонах – Джордже или Губерте.

Тони скривил губы:

– То есть мы не даем себе труда лучше узнать тех, кто в социальном плане стоит ступенькой ниже? Я знаю о них немало.

– Есть ли кто-то, кто ненавидит Джорджа и Губерта? Или хочет их убить?

– Всю семью? – недоверчиво спросил Тоби. – В любом случае ответ – нет.

– Значит, злой умысел шутника был направлен не на них. Мы не можем искать здесь мотив. Шутник как будто намеренно привлекал внимание к спортзалу, заставляя нас думать о нем.

– Вот это и ставит меня в тупик. – Тоби потер щеку. – Шутник, его злоба. Либо злоба, либо неразвитый детский ум, неспособный осознать, что он творит.

– Почему ты все время говоришь «он»? – удивленно спросила Бренда своим чистым, мягким, как шелк, голосом. – Разве это не могла быть женщина?

Кэролайн обернулась, и краска схлынула с ее лица. А вот на Тоби ее слова произвели иной эффект.

– Господи, – глядя прямо перед собой, прошептал он после секундного молчания. – Господи, какой же я тупой!

– Подожди! – внезапно сказал Марк, но Тоби не стал ждать.

– Все было здесь, – прорычал он, стуча костяшками пальцев по лбу, – но я был слишком туп, чтобы понять это. Я даже думал о лазарете, но не связывал его со спортзалом. Конечно! Есть только один человек. Роуз Лестрейндж.

Марк предвидел это, но предупредить не смог. По комнате пронеслось волнение, столь же ощутимое, как если бы в гостиную вошла сама Роуз Лестрейндж.

– Как интересно! – пробормотала Бренда.

– Но это же абсурд, – сказала Кэролайн. – Женщина? – добавила она в ужасе. – В мужском спортзале? И смеется?

– Да, смеется, – хмуро сказал Тоби.

– Но этого не может быть...

– Ангел мой, ты так наивна. Да, это как раз то, что и сделала бы наша Роуз, и ей бы это понравилось. Такое у нее чувство юмора. Как я сказал? «Либо злоба, либо неразвитый детский ум, неспособный осознать, что он творит». Не хочу показаться невежливым, но у нее есть и то и другое.

– Тоби, – почти прорычал Марк, – ты выслушаешь меня?

– Да, Тоби, – вставила Бренда, откинув голову. – Пожалуйста, выслушай Марка!

– У меня к тебе только один вопрос, – сказал Марк. – Зачем все это нужно Роуз Лестрейндж?

– Тогда я задам тебе другой, – ответил Тоби. – Объясни, что произошло в лазарете месяц или около того назад. Это несложно.

– А что произошло в лазарете? – вмешалась Кэролайн.

– Наша Роуз развлекалась там с молодым человеком и даже не отрицала этого. Она только смеялась и говорила, что никто ничего не может доказать. Перестань краснеть, ангел мой, и не делай такое каменное лицо! Бренда, я к тебе обращаюсь.

– Да? – ответила Бренда ясным голосом.

– Ты когда-нибудь слышала, как Роуз Лестрейндж говорит на свою любимую тему?

– Нет, не думаю.

– До того как люди перестали приглашать ее в гости, она отпускала такие перлы, что краснели бы даже матросы и грузчики. Помню один такой. Она хотела бы, чтобы с ней занимались любовью на фоне – цитирую – *чего-нибудь странного и необычного*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.